

О РЕККУРЕНТНЫХ ПРОТОТИПАХ КРЫЛАТЫХ ФРАЗ

Все unprecedentedные (свободные) высказывания можно разграничить по регулярности vs. нерегулярности повторения в речи стандартной процедуры их «конструирования» из знаков низших уровней языка на рекуррентные (повторяющиеся в речи, не воспроизводимые в ней как уже «готовые» единицы) и нерекуррентные (не повторяющиеся в речи).

Под «рекуррентностью» (recurrence) как лингвистическим понятием следует понимать «фактическое» воспроизведение данной единицы в речи, ее конкретную функциональную реализацию, именно «повторяемость» (и ее обратную сторону – встречаемость) знака в стереотипных контекстах. Понятие рекуррентности (resp. фактической повторяемости) неверно отождествлять с понятием «воспроизводимость» (reproducibility) как основной формой существования компонентов языка (в том числе и сверхсловных), под которой обычно понимается их «устойчивость», т.е. «повторяемость в речи в одном и том же качестве (в одном и том же независимом от контекста значении)» [9, с. 81; 10, с. 244]. Рекуррентность (или само по себе «воспроизведение» [1, с. 86]) знака может рассматриваться в связи с его устойчивостью по отношению только к сверхсловным комплексам. Это объясняется тем, что рекуррентность на уровне лексем (а тем более морфем) является значительно более типичной и, самое главное, никак не связана со свободным или несвободным характером их структуризации из знаков низших уровней языка.

Рекуррентным фразам свойственны только прямая мотивировка как общего значения, так и их отдельных лексических компонентов, а также наличие только продуктивных грамматических форм и конструкций, что детерминирует отсутствие какой бы то ни было уникальности семантического и/или грамматического построения таких фраз, а следовательно и их устойчивости. Именно этим рекуррентные высказывания существенно отличаются от тех фраз, которые «повторяются» в речи как лексико-грамматические единства, содержащиеся в языковой памяти говорящего и слушающего уже в «готовом» виде, «обязательно воспроизводятся» по причине невозможности либо небольшой вероятности их образования заново в том же качестве и в той же форме [12, с. 82], иначе говоря, повторяются «нарочито», а не «в силу стечения обстоятельств» [13, с. 228]. В этой связи следует четко разграничивать рекуррентные высказывания и омонимичные им устойчивые фразы с полностью либо частично переосмысленным значением. Ср., например, рус. *Лестницу надо мести сверху, а не снизу* как свободную фразу, которая часто повторяется в речи в виде бытовой рекомендации, и как пословицу со значением 'Порядок в чем-либо надо наводить с верхов' [5, с. 160].

Рекуррентными являются, как правило, высказывания, которые выражают те или иные стереотипы мышления и поведения (иногда очень древнего происхождения). Регулярная актуализация этих стереотипов и детерминирует достаточно частое (но нерегулярное) повторение их стандартных формулировок в речи. Ср.: рус. *Надеяться (рассчитывать) можно (лучше, нужно и т.д.) только на себя; Само по себе (собой) ничего не бывает (не делается, не происходит)*; бел. *Аднымі словамі нічога не дамагчыся (не змяніць, не зрабіць і г.д.)*; *Усіх спраў (Усяго) ніколі не пераробіш* и т.п.

Рекуррентными по определению не могут быть фразы, хоть сколько-нибудь отражающие индивидуальное мировосприятие, несовместимое в своих основах с обыденной картиной мира, а значит и имеющие идиостилистическую окраску используемых языковых средств. Такие фразы никогда не утрачивают привкуса авторства (даже если с течением времени по каким-либо причинам и нейтрализуется устойчивая ассоциация с источником ее происхождения), а потому могут только «цитироваться» в речи и никогда не функционируют как остальные единицы языка, которые «принципиально не имеют автора» [14, с. 21]. Именно благодаря этому фразы индивидуально-авторского происхождения сохраняют устойчивый характер своего воспроизведения, даже если они употребляются в прямом значении, не имеют в своем составе переосмысленных компонентов и

не обладают никакими иными внутривидовыми факторами несвободного характера своего функционирования. Ср.: рус. *Будь каждый при своем* (В.А.Жуковский); *В жизни всегда есть место подвигам* (М.Горький); *Легче плакать, чем страдать* (М.Ю.Лермонтов); бел. *Вайна заўсёды боль нясе* (П.Броўка); *Гора не сцігне ад слоў!* (Я.Колас); *Заўсёды наперад! Ніколі назад!* (Я.Колас) и т.п. [2, с. 410, 411, 452; 16, с. 26, 32, 46].

Вместе с тем рекуррентные высказывания часто являются прототипами крылатых выражений, в индивидуально-авторском происхождении которых чрезвычайно трудно усомниться. Ср., например, известную фразу рус. *Жребий брошен* (< лат. *Alea jasta est*), ставшую крылатой во многих европейских языках, которая приписывается молвой Юлию Цезарю (102 или 100 – 44 до н.э.). Однако Цезарь, вопреки широко распространенному мнению (в том числе и среди историков и лингвистов), отнюдь не является автором этого изречения. В свое время Карл Бюлер (1879–1963) в своей знаменитой книге «Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache» (1934) заметил по этому поводу: «Я не знаю, действительно ли Цезарь сказал однажды *Alea jacta est* или сказал ли Лютер в Вормсе *Hier steh ich und kann nicht anders* ‘На том стою и не могу иначе’ [т.е. являются ли они действительными авторами данных изречений – Е.И.]. По-моему, эти высказывания повторяются вслед за их авторами как примеры, представляющие интерес с точки зрения их речевого характера, почти так же, как и история с Колумбовым яйцом». Далее Бюлер ссылается на Плутарха (около 45 – около 127 н.э.), который в своих «Сравнительных жизнеописаниях» («Цезарь», 32) рассказывает об остановке Цезаря у реки Рубикон и внутреннем колебании полководца перед тем, как решиться начать войну с римским сенатом: «Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий!», а затем двинулся к переходу» [цитируется по 11, с. 140]. Таким образом, «Цезарь не проявил изобретательности, он употребил «обычный призыв» который с тех пор ассоциируется у всех <...> со смелостью Цезаря» [4, с. 52]. Существует, правда, мнение (о котором Бюлер не знал), что Цезарь произнес эту фразу «на греческом как цитату из комедии Менандра» [2, с. 123; 3, с. 52–53]. Однако известно, что и Менандр (около 342 – 292 до н.э.) в своей комедии «Аррефора, или Флейтистка» также употребил данное выражение (которое буквально звучит «*Бросим кость!*») [8, с. 293], как уже широко распространенное в речи [17, с. 527–528].

Рекуррентные высказывания, послужившие прототипами крылатых фраз, могут продолжать функционировать независимо от последних, находясь с ними в отношениях омонимии. Ср., например, бел. *Выбачайце, калі ласка* (название комедии Андрея Макаёнка, ставшее крылатым в белорусском языке в значении 'Не обижайтесь, когда Вам делают справедливое замечание' [6, с. 55]) и *Выбачайце, калі ласка!* (регулярно употребляемая этикетная формула в значении обращения к собеседнику с вежливой просьбой не поставить в вину что-либо, простить говорящего, иначе говоря, *Прашу Вас прабачыць мяне*, ср. *прабачце, даруйце* [15, с. 313]). Это, в свою очередь, часто вызывает необоснованные сомнения в самой возможности функционирования такого рода фраз как крылатых, в том числе и данного выражения, которое в белорусском языке, по мнению И.Я.Лепешева, «употреблялось испокон веков», а потому в нем и «нет никакой крылатости» [7].

Нетрудно однако заметить, что генетически крылатые выражения отнюдь не ограничены только индивидуально-авторскими неологизмами, многие из крылатых слов восходят к аналогичным по форме свободным конструкциям. Кроме этого, крылатые фразы, прототипами которых являются свободные выражения, отличаются от последних не только своим семиотическим статусом, но и общим значением. Так, крылатый аналог рекуррентного высказывания *Выбачайце, калі ласка* употребляется преимущественно шутивно или иронично и только в тех случаях, когда указывают на чьи-либо пороки, недостатки, изъяны или погрешности, промахи, упущения т.п. [6, с. 55]. Кстати, именно в этом значении данное выражение употреблялось в качестве названия одного из разделов в популярном на Беларуси сатирическом журнале «Вожык», как отметил Ф.М.Янковский, еще до появления комедии Андрея Макаёнка «Выбачайце, калі ласка» (1953) [16, с. 28]. Драматург только использовал общеизвестную фразу, которая с тех пор стала устойчиво ассоциироваться в данном значении с одноименным литературным произведением и его автором, т.е. приобрела таким образом «крылатость».

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. 4-е изд., доп. – М., 1987.
3. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов [1982]. 4-е изд., стереотип. – М., 1997.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка [1934]. – М., 1993.

5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [1966]. 4-е изд., испр. и доп. – М., 1991.
6. Иванова С.Ф., Иваноў Я.Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: Лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. – Мн., 1997.
7. Лепешаў І.Я. Не ўсё тое золата, што блішчыць // Настаўніцкая газета. – 17 верасня 1998. – С. 4.
8. Менандр. Аррефора, или Флейтистка // Менандр. Комедии. Фрагменты. – М., 1982. – С. 293–294.
9. Плотников Б.А. Фразеология // Общее языкознание [1983]: Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий / Под ред. А.Е. Супруна. 2-е изд., перераб. и доп. – Мн., 1995. – С. 77–94.
10. Плотнікаў Б.А. Фразеалогія // Плотнікаў Б.А. Агульнае мовазнаўства. – Мн., 1994. – Гл. 10. – С. 242–263.
11. Плутарх. Сочинения. – М., 1983.
12. Райхштейн А.Д. Об устойчивых фразах и «готовых» предложениях // Иностранные языки в высшей школе. – 1972, № 7. – С. 79–86.
13. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956.
14. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. – М., 1954.
15. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мн., 1996.
16. Янкоўскі Ф.М. Крылатыя словы і афарызмы: 3 беларускіх літаратурных крыніц. – Мн., 1960.
17. Ярхо В. Примечания // Менандр. Комедии. Фрагменты. – М., 1982. – С. 436–563.